

УДК 81:39

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В МОНО- И ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТИПОЛОГИЯ ПОДХОДОВ

Э.З. Нимаева

*Аспирант кафедры русского языка и общего языкознания
e-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru*

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье рассматривается проблема этнокультурной идентификации (би-) полилингва. Актуальность данной проблемы заключается в недостаточной степени ее изученности ввиду специфики формирования на основе взаимообусловленного и динамичного интегрирования множества факторов внешне-наблюдаемой и внутренней – когнитивной – природы. Цель исследования заключается в системном обзоре существующих подходов к изучению темы в целом и в определении роли языка в процессе этнокультурной идентификации (би-) полилингвального индивида в частности. В результате теоретического обзора, анализа и обобщения исследований выявлены проблемный и позитивный типы формирования этнокультурной идентичности. В статье высказывается предположение о том, что в процессе освоения культуры и формирования этнокультурной идентичности детерминирующую роль играет тот код субъекта, на котором процесс устного спонтанного речепорождения осуществляется с наименьшим контролем сознания.

***Ключевые слова:** (би-) полилингвизм, идентичность, этнокультурная идентификация, язык, код.*

Введение

На сегодняшний день (би-) полилингвизм перестает быть строго лингвистическим объектом научного интереса, все чаще становясь объектом междисциплинарных стратегий исследования, прежде всего в социолингвистическом, этнолингвокультурологическом и психо(нейро)лингвистическом аспектах. Цель нашей работы состоит в рассмотрении би- и поликода как фактора, образующего или обуславливающего этнокультурную идентичность соответствующего полилингвального субъекта, и системном обзоре ресурсов, так или иначе касающихся идей связи языка и идентификации индивида.

Материалы и методы

Идентичность. Этнокультурная идентичность

Логично, что появлению понятия этнокультурной и других видов идентичности предшествовало понятие идентичности. Термин «идентичность» стал широко использоваться в науке в середине XX в. благодаря работам Эрика Эриксона, который понимал идентичность как

«процесс и результат организации жизненного опыта на протяжении всей жизни человека, как фазу развития индивида, тесно связанную с его социальной адаптацией» [Морзавченков 2010: 139].

В Словаре социолингвистических терминов выделяется фактор психологичности самоопределения заданного явления: «**Идентичность** (Идентификация) – психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, с которой он разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки, а также то, как воспринимают человека окружающие, с какой из групп его соотносят. Положительная или отрицательная идентичность проявляется в признании или непризнании индивида членом «своей» группы. В зависимости от параметров, на основании которых происходит идентификация индивида с разными группами, выделяют различные виды идентичности: биологическая, этническая, социальная, сословная (классовая) и т. п. ...» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 72]. Опираясь на данное определение, можно утверждать, что *этнокультурная* идентичность представляет собой также психологический процесс, однако направленный на (само)определение индивида относительно его актуализации на уровне культуры этноса. В рассматриваемой словарной статье отмечается обусловленность идентификации человека себя с несколькими группами и общностями, изменениями жизненных условий и предпочтений, кроме того, указывается, что «владение национальным языком оказывается не единственным, но решающим фактором этнической (национальной, родоплеменной) идентичности, также является важным элементом при идентификации человека с государственной, культурной, а в ряде случаев – и конфессиональной общностью», подчеркивается большое значение различных элементов языка (лексических, орфоэпических, стилистических и др.) в процессе идентификации индивида с определенной социальной или территориальной группой [Словарь социолингвистических терминов 2006: 73].

Далее рассмотрим одно из наиболее устоявшихся в современной науке определений термина «**этнос**», данное в словаре по этнологии: «исторически сложившаяся устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающая общим самосознанием этническим, элементами материальной и духовной культуры, разделяющая общее самосознание (см. этноним) и находящаяся в фундаментальных связях с другими общностями, в том числе государственными» [Авилова 2005: 173]. Кроме того, в данной словарной статье подчеркивается, что 1) к необходимым условиям формирования (этногенеза) этноса относятся: наличие общности территории, хозяйственная деятельность и язык; 2) в случае формирования разноязычных групп общность языка вырабатывается в процессе этногенеза; 3) формирование этноса подвергается сильному воздействию

миграций и этнических контактов, природно-географических и политических факторов [Там же: 173-174].

В рамках нашего исследования, которое ставит во главу угла психолингвистический подход к изучению темы, отдельного внимания требует также определение понятия этнического самосознания, поскольку процесс (само)идентификации представляет собой явление сугубо когнитивной природы. В толковании **этнического самосознания** (С. э.) как «сознания и чувства принадлежности к тому или иному определенному этносу, осознания своего отличия и сходства при сравнении с другими этническими общностями, проявляющихся на индивидуальном и групповом уровнях и выражающихся в этническом самоопределении...», С. э. рассматривается как основное условие и «определитель» возникновения и существования этнической общности, «оттесняющий в этом отношении даже признак родного языка», также как «важнейший признак этноса, поскольку оно фокусирует в себе представления об общности этнической территории («родная земля»), языка («родной язык»), отличительных особенностей культуры и психики, а также представления об общности происхождения и исторических судеб входящих в этнос людей...» [Там же: 122]. Как мы видим, данное определение сделано на уровне представления коллективного сознания, где С. э. становится фактором презентации этноса, при этом по внешним характеристикам, т.е. самосознание не определено как индивидуальный когнитивный процесс выявления своего этнического Я. На наш взгляд, понятие этнокультурной идентичности шире понятия этнического самосознания, т.к. второе есть (о)сознание своей принадлежности к определенному этносу (часто формально по признаку «этнос родителей» или в случае межэтнического брака «этноты родителей»), а этнокультурная идентификация – одновременное (о)сознание своей принадлежности, с одной стороны, к определенному этносу, и, с другой, к культуре или нескольким культурам, что может быть обусловлено разными факторами, например, в случае владения несколькими языками и/или длительного проживания в разных государствах, что часто встречается в современном мире.

В рамках нашего исследования следует также выяснить, каковы взаимоотношения понятий этноса и нации, этнической и национальной идентичностей. Т.Г. Грушевицкая в статье «Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе» обосновывает нетождественность этих понятий. Отмечается, что понятия «этнос» и «нация», «этническая культура» и «национальная культура» в советской науке рассматривались как синонимы до 1990 года, когда произошла переориентировка на «международную практику, где этнос указывает на социокультурную общность людей, а нация обозначает территориальное, экономическое и лингвистическое объединение людей, имеющих

социальную структуру и политическую организацию... нация всегда связана с наличием государства, политического единства» [Грушевицкая 2016: 137]. «Непохожесть» этнических культур друг на друга в условиях и способах удовлетворения потребностей закрепляется в специфической системе ценностей, на которую надстраивается совокупность действующих в культуре норм и правил. Также обращается внимание на то, что «этнические культуры (как и этносы) проходят длительный путь развития, занимающий не один век, растут и развиваются вместе со своим этносом», в то время как национальная культура не формируется спонтанно, ведь «большинство ее компонентов – результат серьезной работы политической элиты данного общества» [Там же: 138].

Рассмотрев определения понятий «идентичность», «этнос», «этническое самосознание», обобщим, что под **этнокультурной идентификацией** (далее ЭКИ) понимается процесс психологического соотнесения индивида с этносоциальной общностью на основе общности или схожести следующих этнических и культурных факторов: 1) этническая территория (родина); 2) территория проживания; 3) язык; 4) элементы материальной культуры; 5) элементы духовной культуры (ценности и их ранжирование, нормы и правила). Названные факторы формирования этнокультурной идентичности являются взаимосвязанными и взаимозависимыми, они наблюдаются индивидом, осваиваются им и передаются ему окружающими людьми (семьей и социумом) посредством невербального и вербального поведения. Здесь важно отметить, что в списке признаков ЭКИ с точки зрения семиотической многоуровневости язык представляется не чисто внешним показателем.

Язык в формировании этнокультурной идентичности (би-) полилингвального субъекта

Если важность роли родного языка в формировании этнокультурной идентичности монолингва не вызывает сомнений, то вопрос влияния языков на формирование этнокультурной идентичности (би-) полилингва представляется достаточно сложным.

Поскольку ЭКИ мы относим к психологической категории, постольку воздействующие друг на друга факторы, в т.ч. поликод субъекта, следует рассматривать как когнитивный процесс. Так, нам представляется, что наш теоретический обзор следует начать с рассмотрения вопроса соотношения мышления и языка. Исследование данного вопроса представлено в монографии П.П. Дашинимасовой «Философия языка и теория значения» (2.5.7. «Мышление versus язык» или «язык versus мышление»). В данном подразделе в отношении гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа автор ставит следующий вопрос: «В каких взаимоотношениях находятся язык и мышление в аспекте филогенеза, этногенеза и онтогенеза: обуславливает ли язык мышление?»

[Дашинимаева 2010: 194] и дает ответ: «исходное направление дихотомии «язык versus мышление» – это движение от мышления к языку»: 1) внешние условия жизнедеятельности (исторические, например, геополитическая ситуация) «породили соответствующий психотип» этноса; 2) психотип этноса постепенно детерминировал способы отражения его признаков в языке [Там же: 204-205]. Второй тезис состоит «в признании некоторой степени влияния языка (той же грамматики) на способ мышления, т.е. в признании рефлексивной функции языка в процессе познания, или онтогенеза» [Там же: 205]. В результате исследования ученый приходит к принятию «принципа частичной детерминированности мышления языком в следующем понимании: нейрон как основной медиатор между составляющими триады «мысль versus концептуальная система versus формальный знак» опосредованно способствует (наравне с другими факторами!) формированию и развитию менталитета, который, в свою очередь, обуславливает способ мышления», что подводит к правомочности вывода «о некотором влиянии языка на мышление только в рамках этногенеза и онтогенеза» [Там же: 207-208]. Добавим, что В.В. Наумов в монографии «Лингвистическая идентификация личности» также указывает на «концептуальную ошибку» в утверждении Б. Уорфа о детерминирующей роли языка в мышлении и поведении: какой бы ни была структура языка, «мышление человека находит адекватный способ выражения в звуковой или письменной форме. Поэтому коммуникация, особенно межкультурная, – это, прежде всего, контакт сознаний», «формы мышления и поведения людей обуславливают накопление и функционирование в системе языка определенных правил (норм) реализации языковых единиц» [Наумов 2020: 33,34].

Далее обратимся к исследованию Ф. Бадалотти «Professional Multilinguals: Some exploratory considerations on language and the identities of translators and interpreters», цель которого заключалась в изучении взаимосвязи между полилингвизмом/поликультурностью (being multilingual/multicultural) и культурной идентичностью с точки зрения профессиональных письменных и устных переводчиков [Badalotti 2010: 6]. Попробуем выделить в теоретической части работы Ф. Бадалотти ряд тезисов.

Тезис 1. В отличие от традиционной точки зрения, рассматривавшей многоязычные субъекты как монолингвы с удвоенной функциональностью, современные исследования указывают на уникальность лингвистических конфигураций в человеческом мозге и специфичность паттернов активации областей для отдельных людей [Там же: 2].

Тезис 2. Разный уровень владения разными языками является скорее нормой, чем исключением, что объясняется, по мнению Грожан [Grosjean 2008, 1982], «принципом дополнительности» (здесь и далее в обзоре

перевод наш), основанном на представлении об использовании каждого языка в определенной сфере жизни в зависимости от того, как, когда и почему язык был изучен [Badalotti 2010: 3].

Тезис 3. Процесс социализации не ограничивается периодом первичной социализации в детстве, когда важную роль играет родной язык; социализация может продолжаться в более позднем возрасте (ресоциализация), т.к. люди и жизненные обстоятельства подвержены изменениям, например, в случае иммиграции приобретенный в более позднем возрасте язык, становясь частью жизни благодаря длительному эмоциональному процессу обучения и усвоения, становится для личности таким же важным, как родной [Там же: 4].

Тезис 4. Обстоятельство физического нахождения в культурной среде второго языка, по Хоффманну [Hoffmann 1989], не означает, что говорящими будут усваиваться ценности, установки и обычаи культуры второго языка в своей личной жизни, особенно в случае приобретения второго языка для работы/учебы, а не для образа жизни [Там же: 5].

Тезис 5. Идентичность рассматривается как явление, находящееся всегда в процессе становления; значимость языка, по Хамерс и Бланк, [Hamers, Blanc 2000] в процессе самоидентификации не определяется раз и навсегда, а зависит от контекста [Там же: 6-7].

Вызывает интерес также исследование Д. Галайды (D. Gałajda) «The Contribution of FL Learning Experiences to the Development of Multicultural Identity», проведенное с целью выявления влияния изучения иностранного языка на развитие поликультурной идентичности методом анкетирования польских студентов третьего курса, изучающих в качестве основных предметов культуры англоязычных стран (English Cultures) и английскую литературу [Gałajda 2011: 51]. Анкета включала в себя открытые и закрытые вопросы относительно культурной идентичности и ее аспектов: идентичность, формируемая в процессе изучения иностранного языка (FL identity), языковое эго (language ego) и переключение кодов [Там же: 51]. Автор приходит к выводу о том, что изучающие иностранный язык при его использовании приобретают новую идентичность, при этом некоторые не осознают этого, а в процессе изучения культуры страны изучаемого языка они преобразовывают/создают заново (recreate) свою идентичность [Там же: 58]. Кроме того, обращается внимание на то, что в качестве компонентов идентичности студентами указаны непредубежденность, гибкость, социальная инициативность, культурная эмпатия и эмоциональная стабильность, которые могут быть соотнесены с параметрами анкеты поликультурной личности (The Multicultural Personality Questionnaire/ MPQ) [Там же: 58]. Также согласно выводам автора, изучение иностранного языка является причиной активации различного поведения, мышления и восприятия самого себя [Там же: 58].

Имея в виду новизну результатов, автор указывает на подготовительный и пробный характер проведенного исследования.

Отметим, что факт указания респондентами в качестве компонентов идентичности культуры иностранного языка вышеназванных пяти качеств соотносим с одним из выводов в исследовании А. Акоста «Этнокультурная идентичность ребенка в межэтническом браке как проблема современной психологии» о высокой этнической толерантности детей в межэтническом браке, где отмечается, что «множественная идентичность наиболее выгодна для человека, она позволяет ему использовать опыт одной группы для адаптации в другой, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной» [Акоста 2011: 470]

Согласно автору, у большинства людей не возникает проблемы выбора своей этнической принадлежности, что обусловлено «приписыванием» ребенка обществом к определенному этносу в процессе его социализации и инкультурации, но у многих, как отмечается, прежде всего членов групп меньшинства и детей из межэтнических браков, «в процессе этнокультурной идентификации кроме критерия приписывания (то, кем другие их воспринимают) большую роль играет и критерий внутреннего выбора (то, кем они сами себя осознают)» [Там же: 469]. В результате эмпирического исследования автор приходит к следующим выводам: 1) влияние двух культур вместе с другими факторами обуславливает биэтнический характер этнической идентичности детей в межэтническом браке; 2) этнокультурная идентичность детей в межэтническом браке характеризуется амбивалентной направленностью: одна сторона является актуальной («идентичность с этнокультурными признаками, имеющимися «здесь и теперь»»), другая сторона – потенциальной (идентичность с отсутствующими в данный момент этнокультурными признаками); 3) отсутствующие в данный момент этнокультурные признаки «являются референтными для детей из межэтнических браков»; 4) два языка в процессе билингвального общения с родителями «связывают их пользователей с двумя этническими культурами»; 5) «дети из межэтнических браков отличаются высокой этнической толерантностью» [Там же: 471].

Далее обратимся к некоторым размышлениям В.В. Наумова о национальной принадлежности языковой личности, изложенным в монографии «Лингвистическая идентификация личности», где ученый, по нашим наблюдениям, использует понятия нации (национальной принадлежности) и этноса (этнической принадлежности) как синонимичные. Язык, по мнению автора, является не только одной из основных форм воплощения национального самосознания, но и основной формой национального самопознания, т.е. гносеологической категорией [Наумов 2020: 75]. Здесь важным замечанием, на наш взгляд, является

обусловленность специфики национального коммуникативного поведения самим отношением нации к языку, например, «русские являются одной из самых словоохотливых наций» [Там же: 75]. Автор также указывает: 1) на интуитивную способность носителя языка чувствовать соответствие или несоответствие употребляемых в речи языковых единиц норме, незнание конкретных форм или способов их реализации «компенсируется языковым сознанием»; 2) на отличие речевого поведения носителя и не носителя языка: «первого ведет интенция, а второй реализует коммуникативное намерение», которое «в отличие от интенции, представляет собой действие, контролируемое сознанием индивида» [Там же: 80-81]. В.В. Наумов, предполагая особый характер взаимодействия баланса сознательного и бессознательного в речевой деятельности билингва, также обращает внимание на формирование языкового приоритета билингва речевой деятельностью, т.е. под ассимилирующим влиянием языковой среды. Хотя возможность трансформации субординативного билингва в координативный тип зависит от «индивида, его желания и возможностей», решающее значение имеет престижность языка, при этом в условиях снижения престижа одного из языков препятствием переориентации билингва на второй язык «не является даже национальное самосознание» [Там же: 88].

Справедливо отмечается, что престижность детерминирует функционирование языка или языков, что далее предопределяет контекст (сферы деятельности), т.е. высокую частотность употребления от осознанного желания говорить на определенном языке. Следовательно, в целях освоения элементов соответствующей культуры региона, носитель поликода осуществляет выбор в сторону престижного языка, о чем говорит Антрополог К. Фокс в книге «Watching the English»: хотя исследователи аккультурации часто предполагают, что «доминирующая» культура навязывается на «пассивные» меньшинства, на самом деле, представители этнических меньшинств достаточно осознанно выбирают модели поведения и обычаи принимающей культуры (host culture) [Fox 2004: 9].

Важность изучения (би-) полилингвизма в аспекте формирования этнокультурной идентичности подтверждается также открытием зеркальных нейронов в головном мозге. Здесь обратимся к книге Д. Риццолатти и К. Синигальи «Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания», посвященной исследованию открытых в начале 1990-х годов зеркальных нейронов, которые активируются как в процессе выполнения индивидом какого-нибудь действия, так и в процессе наблюдения за его выполнением другим индивидом [Риццолатти 2012: 17]. На основе результатов нейрофизиологических исследований описывается функционирование системы зеркальных нейронов и механизм управления ими для «возникновения тех форм совместного, или разделенного с другими, опыта, благодаря которым каждый из нас способен действовать

не только как индивид, но и как член общества»: различные формы подражания, научения, вербальной и жестовой коммуникации, понимание эмоциональных реакций других людей предполагают активацию определенных систем зеркальных нейронов [Там же: 19-20]. Авторы приходят к выводу о том, что «все это показывает, сколь сильны и прочны узы, которые связывают нас с другими – или, иначе говоря, сколь неправильно было бы пытаться постичь *Я* без *мы*» [Там же: 20]. Следовательно, можно предположить, что стремление человека отождествлять себя как члена лингвокультурного сообщества, что часто выражается в подражании, в использовании лексики и грамматических структур одного стиля с собеседником, осуществляется в некоторой степени благодаря функционированию систем зеркальных нейронов. То же самое, как нам представляется, касается вербального поведения на иностранном языке – в естественном поликультурном пространстве (например, при общении на иностранном языке с представителями других культур) или в искусственном (например, в процессе изучения иностранного языка).

На наш взгляд, ЭКИ в большей степени детерминируют родной (этнический, миноритарный) и второй (доминирующий), воспринимаемый часто также родным представителями коренных народов многонациональных государств, а иностранный язык может стать значительным основанием для трансформаций ЭКИ в случае эмиграции. Поэтому, предполагаем, что в процессе формирования ЭКИ вместе с престижем языка немаловажную роль играет фактор оценки элементов культуры индивидом: положительная оценка определенных элементов культуры способствует их «прибавлению» к репертуару поведения, образу жизни, что не противоречит как тезису 4 Ф. Бадалотти (по Хоффманну) о том, что физическое нахождение в культурной среде второго языка не предполагает обязательного усвоения элементов культуры этого языка, так и мнению К. Фокс об осознанном выборе представителей меньшинств моделей поведения и обычаев принимающей культуры.

Заключение

Таким образом, приходим к выводу о том, что процесс формирования ЭКИ (би-)полилингва можно свести к двум типам: 1) «проблемный», при котором индивидом переживается проблема выбора или внутреннего приписывания себя к этнокультурной группе вследствие субъективной необходимости «приписать» себя к одной группе; 2) «позитивный», при котором индивидом осознается (би-)поликультурный характер идентичности как положительная характеристика, т.е. не оценивается им как проблема когнитивного характера. Добавим, что, на наш взгляд, процесс этнокультурной

идентификации (би-) полилингва может представлять собой переход от одного типа к другому.

Кроме того, на формально-теоретическом уровне можно предположить, что усвоение культуры и формирование ЭКИ происходит посредством того языка, на котором реализуется интенция (согласно В.В. Наумову), т.е. на котором процесс устного спонтанного (неподготовленного заранее) речепорождения в наименьшей степени контролируется сознанием. Однако, значит ли, что высокая степень осознанного управления речепорождением, напротив, не способствует ЭКИ, достоверно покажут данные экспериментального исследования.

Библиографический список

Авилова И.К. Этнология. Словарь. Основные понятия и термины: учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2005. 184 с.

Акоста А. Этнокультурная идентичность ребенка в межэтническом браке как проблема современной психологии // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3-4 (025-026). С. 466-471.

Грушевицкая Т.Г. Национальная и этнокультурная идентичность в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. № 12 (54). Ч. 2. 2016. С. 137-139.

Дашинимаева П. П. Философия языка и теория значения. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. 248 с.

Морзавченков Г.А. Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 139-142.

Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности. Изд. 5-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2020. 240 с.

Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркальные системы мозга: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О.А. Кураковой, М.В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. 208 с.

Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова [и др.]. М.: Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.

Badalotti Floriana. Professional Multilinguals: Some exploratory considerations on language and the identities of translators and interpreters // Monash University Linguistics Papers. 2010. Vol. 7. № 1. P. 1-12.

Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder&Stoughton, 2004. 157 p.

Galajda D. The Contribution of FL Learning Experiences to the Development of Multicultural Identity // J. Arabskki and A. Wojtaszek (eds.),

Aspects of Culture in Second Language Acquisition and Foreign Language Learning, Second Language Learning and Teaching, 2011. P. 49-62.

Grosjean F. Life with two languages: an introduction to bilingualism. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

Grosjean F. Studying bilinguals. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Hamers J., Blanc M. Bilinguality and bilingualism. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2000.

Hoffmann D. Language and culture acquisition among Iranians in the United States. Anthropology and Education Quarterly. 1989. P. 118-132.

References

Avilova I. K. E`tnologiya. Slovar`. Osnovny`e ponyatiya i terminy`: Uchebnoe posobie. Vladivostok: Izd-vo Dal`nevost. Un-ta, 2005. 184 s.

Akosta A. E`tnokul`turnaya identichnost` rebenka v mezhe`tnicheskom brake kak problema sovremennoj psixologii // Social`no-e`konomicheskie yavleniya i processy`. 2011. № 3-4 (025-026). S. 466- 471.

Grusheviczskaya T. G. Nacional`naya i e`tnokul`turnaya identichnost` v sovremennom obshhestve // Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal. № 12 (54). Ch. 2, 2016. S. 137-139.

Dashinimaeva P. P. Filosofiya yazy`ka i teoriya znacheniya. Ulan-Ude` : Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2010. 248 s.

Morzavchenkov G. A. Kriterii e`tnokul`turnoj identichnosti v usloviyax globalizacii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Social`ny`e nauki. 2010. № 1 (17). S. 139-142.

Naumov V. V. Lingvisticheskaya identifikaciya lichnosti. Izd. 5-e, stereotip. M.: LENAND, 2020. 240 s.

Riczczolatti D., Sinigal`ya K. Zerkal`ny`e sistemy` mozga: O mexanizmax sovместnogo dejstviya i soperezhivaniya / Per. s angl. O. A. Kurakovoj, M. V. Falikman. M. : Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 2012. 208 s.

Slovar` sociolingvisticheskix terminov / V. A. Kozhemyakina, N. G. Kolesnik, T. B. Kryuchkova [i dr.]. M. : Institut yazy`koznaniya RAN. 2006, 312 s.

Badalotti Floriana. Professional Multilinguals: Some exploratory considerations on language and the identities of translators and interpreters // Monash University Linguistics Papers. 2010. Vol. 7. No. 1. P. 1-12.

Fox Kate. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder & Stoughton, 2004. 157 p.

Gałajda Dagmara. The Contribution of FL Learning Experiences to the Development of Multicultural Identity // J. Arabskii and A. Wojtaszek (eds.), Aspects of Culture in Second Language Acquisition and Foreign Language Learning, Second Language Learning and Teaching, 2011. P. 49-62.

Grosjean F. Life with two languages: an introduction to bilingualism. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

Grosjean F. Studying bilinguals. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Hamers J., Blanc M. Bilinguality and bilingualism. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2000.

Hoffmann D. Language and culture acquisition among Iranians in the United States. Anthropology and Education Quarterly. 1989. P. 118-132.